

Ди Цзя раздраженно положил подбородок на плечо Бай Лисиня. «Разве ты не хотел узнать имя мистера Мо? Теперь, когда третье поколение Кровавых все еще живо, почему бы мне просто не найти его господина и не спросить его имя?»

Бай Лисинь резко посмотрел на Ди Цзя: «Это возможно?»

Ди Цзя: «Как мы узнаем, если не попробуем?»

С этими словами он так сильно сжал Бай Лисиня, что тело Бай Лисиня снова напряглось.

Ди Цзя: «Но есть условие».

Бай Лисинь: «Какое?»

Ди Цзя: «Я хочу тебя».

Увидев потрясенный взгляд Бай Лисиня, Ди Цзя без предупреждения укусил его за плечо.

На этот раз, вместо того чтобы быть джентльменским и тонким, он большими глотками высосал кровь другого мужчины.

Бай Лисинь издал психологический крик боли, а затем увидел, как Ди Цзя разорвал свое белое пальто, обнажив широкие плечи, непохожие на его собственные.

Чисто белая кожа, казалось, излучала собственный свет в темноте, над ней плавал туманный слой бархатного света.

Плечи Ди Цзя были широкими, и хотя его кожа выглядела бледной, она не могла скрыть под ней мощные мускулы.

Но эти мускулы не были резкими или узловатыми, и каждый из них обладал идеальным размером и силой, аккуратно выровненными под кожей.

Намерение Ди Цзя уже давно было очевидным.

Бай Лисинь сглотнул и открыл рот, чтобы показать свои острые клыки, медленно пронзающие ключицу Ди Цзя.

Щеки обоих мужчин слегка покраснели. В темноте они смотрели друг на друга уголками глаз. Огонь и настойчивость в глазах Ди Цзя были подобны храбрейшему яку на плато, безумно бросившемуся в душу Бай Лисиня.

Бай Лисинь начал сосать быстрее.

Его рассудок подсказывал ему, что он не может продолжать смотреть на Ди Цзя. Эти глаза были полны желания, и они были более действенными, чем яд, введенный в его тело, прожигавший его до глубины души.

.....

Дождь шел уже пять или шесть часов, и Бай Лисинь считал часы до наступления темноты, когда дождь постепенно стих.

Небо прояснилось, и луна поднялась на верхушки деревьев. Если бы не обильная дождевая вода, оставшаяся на подоконнике и на земле, можно было бы даже подумать, что разрушительный ливень ранее был всего лишь иллюзией.

Ди Цзя стоял у подоконника и смотрел на него с сытым выражением лица и некоторым нетерпением в глубине глаз.

С таким неприкрытым взглядом Бай Лисинь хотел найти яму в полу.

Ди Цзя: «Сейчас я собираюсь найти Третье поколение Кровавых. Будь осторожен и жди моего возвращения».

Бай Лисинь почувствовал, как горят уши, и отчаянно закивал головой: «Понял».

Окно было открыто и белая летучая мышь быстро улетела с ночным ветром, исчезнув в небе в мгновение ока.

Увидев уход Ди Цзя, Бай Лисинь направился в ванную.

Он увидел себя в зеркале, и дыхание его сбилось, и он не мог не покраснеть.

В зеркале его одежда была немного помята, а пышные рукава соскользнули, обнажив плечи с двумя небольшими ранами.

Это было не только плечо, но и шея, ключица и даже чуть ниже, у всех было несколько крошечных ран.

Его первоначально гладкие черные волосы были слегка растрепаны, а глаза были красными, как будто он только что плакал.

Бай Лисинь оперся на раковину и посмотрел на себя в зеркало широко открытыми глазами.

Черт, он не плакал, понятно?

Бай Лисинь раздраженно зачерпнул горсть холодной воды на лицо и подождал, пока исчезнет подозрительное покраснение, прежде чем поправить одежду и выйти из уборной.

У него было множество ран от клыков Ди Цзя, и он не мог выйти, пока они не заживут.

Это было слишком унижительно.

Заскучав, Бай Лисинь устроился на диване.

Когда он смотрел на ночную сцену за окном, его разум сжимался в неконтролируемых образах.

Бай Лисинь изо всех сил пытался встряхнуть голову, и его взгляд переместился с луны в небе на студию рисования вдалеке.

Темные шторы закрывали все внутри, и ничего не было видно.

Мысли пронеслись в голове Бай Лисиня, и он вспомнил фигуру, которую видел в свою последнюю ночь на поверхности.

У него была прекрасная память, и если бы тот человек появился в холле, он бы смог его узнать.

Но мужчина этого не сделал.

Однако ему всегда казалось, что эта фигура знакома, как будто он уже где-то видел ее раньше.

Этот человек тихо прокрался в студию и так же тихо ушел. Но кто это мог быть?

Пока Бай Лисинь думал, снаружи раздался тихий стук в дверь.

Он замер и, обведя взглядом комнату, натянул шаль на свои грязные раны.

Только когда все было улажено, Бай Лисинь подошел к двери своей комнаты и открыл ее.

В тот момент, когда он увидел человека за дверью, Бай Лисинь был немного ошеломлен.

Это был неожиданный человек.

Этот мужчина по всем правилам должен сейчас сопровождать Софию.

Г-н Мо оперся на свою черно-золотую трость и с улыбкой посмотрел на Бай Лисиня.

Красные глаза его были нежны, как вода, а уголки рта слегка отодвинуты в самой джентльменской и скромной улыбке.

Его спина была прямой, его прямые плечи расправлены по бокам, интерпретируя нежнейшее из мужских совершенств.

Если бы Бай Лисинь не знал его истинного лица, его бы одурачил этот взгляд, и неудивительно, что мистер Мо влюбил Софию.

Бай Лисинь холодно и отстраненно улыбнулся: «Что я могу сделать для вас, мистер Мо?»

Мистер Мо: «Простите, что так резко побеспокоил вас, прекрасная леди. Но София настойчиво требовала встречи с вами, так что я сам пришел за вами».

Бай Лисинь: «Как София? Я думала, что сегодня у нее роды?»

Мистер Мо: «Да, мать и ребенок в безопасности, но София слишком слаба и сейчас немного потрясена. Ей нужно ваше утешение».

Г-н Мо сделал паузу и удовлетворенно улыбнулся: «Я удивлен, что вы так хорошо ладите. Я беспокоился, что София не адаптируется к миру Кровавых».

Бай Лисинь нерешительно посмотрел на г-на Мо: «Где сейчас София?»

Мистер Мо: «Она только что вышла из операционной. Я только что отвел ее обратно в спальню. С ней служанки и ребенок».

Бай Лисинь посмотрел в открытое окно и сказал: «Пойдемте».

Платок свисал с его плеч, а кожа под ним была скрыта.

Глаза мистера Мо потемнели: «Почему я не вижу вашего мужа?»

Бай Лисинь: «Мы деревенские люди. Он ничего не видел на свете и пошел прогуляться по

вашему замку».

В глазах мистера Мо вспыхнули презрение и насмешка: «Мисс, должно быть, много страдала с ним, верно?»

«Я слышал, что вы были в походе, когда приехали, и даже еда была какой-то старой едой, которая была на исходе. Как может такая прекрасная дама, как вы, которая должна жить в самом удобном и уютном замке, жить в таком унынии?»

Шаги Бай Лисиня немного замедлились: «Вы действительно любите мисс Софию?»

Выражение лица г-на Мо дрогнуло, и он снова вызвал прекрасную улыбку: «Конечно, да. Как это может не быть любовью, когда я устраиваю ей свадьбу?»

«Если вы любите ее, почему вы не остались рядом с ней после того, как она усердно трудилась, чтобы родить ребенка? Почему на вашем лице нет ни малейшего беспокойства? Если бы она хотела меня видеть, она могла бы послать ко мне одного из ваших людей. Сейчас ей больше всего нужно, чтобы вы были рядом с ней, верно?»

— Значит, София или всё таки вы искали меня?

Нежность в глазах мистера Мо исчезла и сменилась болезненным рвением: «Я люблю Софию, но я не просто люблю ее. Я люблю все красивое, как вы».

Что это за вековой мусорщик?

Бай Лисинь был на грани рвоты, и он быстро сделал два шага в сторону, чтобы отстраниться от него. Бахрома на его шали развевалась красивой дугой, и он сказал: — Не смейте вызывать у меня отвращение.

Из разговора с г-ном Мо он мог сделать вывод, что другой человек нацелился на него. Также благодаря обмену он знал, что мистер Мо пока не причинит ему вреда. Похоже, ему нравилась эта любовная игра, и было ясно, что те, кто пропитывался формалином, в тот или иной момент были любовными интересами мистера Мо.

Только они отличались от Софии.

Он не знал, были ли эти женщины Кровавыми изначально, но было точно известно, что все они были Кровавыми в момент смерти.

Мистер Мо действительно был хорош в спекуляциях; его менталитет был как у высокопоставленного человека.

По его действиям было очевидно, что богиня, которую он воображал, была в форме Кровавой.

Для него люди были низшими существами — пищей, которую можно было разорвать и растоптать по своему желанию. Как его идеальная богиня могла быть скромным человеком?

Так что Бай Лисинь не беспокоился о том, что сейчас Софии может быть причинен вред; Мистер Мо был абсолютным перфекционистом с обсессивно-компульсивным расстройством, и он не причинил бы вреда Софии, пока она не превратится в Кровавую.

До тех пор мистер Мо будет идеальным опекуном и уничтожит любое существование, которое может причинить вред Софии.

Когда Бай Лисинь быстро двинулся, его шаль поднялась, а волосы закачались на ветру.

Красное платье трепетало, как сильное пламя.

Г-н Мо смотрел сзади на спину Бай Лисиня. В его глазах мелькнуло изумление, затем удивление сменилось жадностью и усилилось.

Бай Лисинь осторожно толкнул дверь в комнату Софии и мельком увидел хрупкую Софию на кровати.

Выражение лица Софии было испуганным, и ее лицо было бледным. Рядом с ней лежала пеленка.

В комнате было две Кровавые служанки, и когда Бай Лисинь вошёл, они открыли рты, обнажая свои холодные клыки.

Они заметили Бай Лисиня и тут же убрали свои клыки, прежде чем послушно встать в стороны.

Г-н Мо последовал за ним сзади, и Бай Лисинь нахмурился: «Пожалуйста, отпустите их. Я хочу поговорить с Софией наедине».

Г-н Мо не только не рассердился из-за грубости Бай Лисиня, он даже был счастлив сделать это.

Он всегда был очень терпелив с красивыми дамами, тем более с такой первой-классной.

Мистер Мо подмигнул двум служанкам, и они сразу поняли и ушли с подносом. Только когда г-н Мо и остальные закрыли дверь, София в отчаянии закричала умоляющим тоном: «Мисс Синь,

помогите мне!»

Бай Лисинь вошёл, прежде чем он, наконец, смог хорошенько рассмотреть ребенка в пеленках.

Это был не ребенок.

У «младенца» в пеленке была старая, желтоватая кожа, со слоями морщин. Их было больше, чем у старика, который вот-вот должен был умереть. Его лицо было не обычным человеческим лицом, а лицом летучей мыши с несколькими желтыми голыми волосками на заостренной голове.

Ребенок не плакал; он чем-то напоминал уродливого эльфа из научно-фантастического вестерна с большими выпученными глазами, которые, казалось, вот-вот выпадут. Кроваво-красные глаза пристально смотрели прямо на мать очень недобрым взглядом.

София попыталась сесть, но потянула рану на животе.

Бай Лисинь посмотрел на живот Софии. Он был замотан толстым бинтом, из которого сочилась ярко-красная кровь, уже окрашивая небольшой участок бинта.

Когда кровь сочилась, слюна капала из уголков рта ребенка. Словно в утоление своего голода, он даже от жадности хлебнул.

Лицо Софии побледнело еще больше.

Бай Лисинь поднял глаза и увидел такое же золотое изображение «Доброжелательность 55» над головой Софии.

Бай Лисинь посмотрел на бинты: «Г-н Мо делал вам операцию?»

София кивнула: «Да, он дал мне обезболивающее, чтобы я не чувствовала боли. Но я не спала; Я была слишком напугана».

Бинты были грязными и совсем не похожими на работу перфекциониста.

Бай Лисинь посмотрел на бледные черты Софии и быстро все понял.

Похоже, мистеру Мо просто понравилось лицо Софии; он искал самые совершенные органы в соответствии со стандартами своей идеальной богини и случайно нашел среди людей лицо, которое выглядело точно так же, как его идеальная богиня.

Все, что ему было нужно, это ее голова, так что ему было все равно, безупречна ли ее остальная часть.

Он вынул сына самым прямолинейным и простым способом, а затем грубо зашил и перевязал ее.

София все это время была напугана, и мистер Мо, вероятно, даже не успокоил ее.

Бай Лисинь посмотрел на уродливого, похожего на монстра ребенка, и его разум вспомнил красивое лицо сына графа из поверхностного мира.

Ну, контраст был немного большим.

Бай Лисинь утешал бедную девушку перед ним: «Не волнуйся, не выбрасывай, если это слишком уродливо. Может быть, после того, как он вырастет, он будет выглядеть лучше. Кажется, что все Кровавые младенцы уродливы. Вы с мистером Мо оба очень красивы, так что дети, которых вы родите, не будут плохими».

София сглотнула, наклонив голову, взглянула на ребенка и быстро повернула голову назад.

София: «Был ли мистер Мо таким уродливым в детстве?»

Бай Лисинь: «Не создавайте проблем. Как это может быть?»

Выражение лица Софии немного напряглось, и Бай Лисинь продолжил: «Не забывайте, мистер Мо был преобразован Третьим поколением Кровавых, поэтому он раньше был человеком».

«.....» София неловко улыбнулась, «Вы правы».

Доброжелательность 60.

Только после того, как страх перед ребенком прошел, София заговорила: «Мисс Синь, Холл, как он?»

Бай Лисинь открыл приватный чат.

Бай Лисинь: [Ся Чи, Холла уже отправили?]

Ся Чи: [Брат, шел такой сильный дождь! Я взял его, чтобы спрятать в пещере на некоторое время, и я только что поставил его у входа в город. Я видел, как он вошел.]

Бай Лисинь: [Хорошо, поторопись, береги себя и не попадись людям.]

Ся Чи: [Хорошо, брат, я скоро вернусь.]

Закончив приватный чат, Бай Лисинь посмотрел на Софию: «Его доставили ко входу в город. Мой слуга своими глазами видел, как он входил в него».

София наконец впервые искренне улыбнулась сегодня вечером: «Это здорово».

Доброжелательность 90.

Бай Лисинь: «Разве вы не говорили, что впервые превратитесь после родов? Почему у вас еще не было первого превращения?»

София: «Это должно было быть первым превращением, но я испугалась, когда время почти подошло. И я хотела знать, в безопасности ли Холл до первого превращения. Я могу быть уверена только в том, что он в безопасности».

«В глазах других людей мы вдвоем были золотой парой, и то, что я сделала, стало бы для него черной историей. Я не любила его, но и не хотела причинять ему боль. Я была тронута тем, что он пришел в этот замок, чтобы спасти меня. Но чем я была тронута, тем больше я чувствовала себя виноватой».

«Вы обещали спасти Холла, и я родила, гадая, спасли ли вы его».

Бай Лисинь поджал губы.

Так что из-за меня задержалось первое превращение Софии.

Бабочки в густом лесу хлопали крыльями и кружились в цунами перемен.

Погода изменилась, и время первого превращения тоже.

Из окна донесся легкий хлопающий звук, и они оба оглянулись и увидели маленькую миниатюрную белую летучую мышь, стоящую за окном.

Бай Лисинь подошел к окну, и белая летучая мышь тут же легонько взмахнула крыльями и приземлилась ему на плечо.

Софья увидела это и спросила: «Что это?»

Бай Лисинь: «Мой питомец».

София: «Он такой милый, можно я его поглажу?»

Губы Бай Лисиня дернулись: «Боюсь, что нет, он кусается».

София разочарованно опустила глаза: «Хорошо».

Раздраженный голос Ди Цзя зазвенел в его ушах: «Я вышел на прогулку и обнаружил, что это закрытый мир. Был только этот квадратный дюйм земли, и вскоре после полета я был заблокирован невидимым барьером. За барьером была кромешная тьма».

Глаза Бай Лисиня внезапно потемнели.

Ди Цзя не заметил изменения в глазах Бай Лисиня. Закончив, он раздраженно погладил свой мех, встряхнул крыльями и свернулся калачиком на плече Бай Лисиня.

Даже София могла видеть, что он выглядел подавленным.

София: «Малыш заболел?»

Конечно, Бай Лисинь знал причину депрессии Ди Цзя. Он поднял бровь, и легкая улыбка сорвалась с уголка его рта: «Он слишком долго летал, и его выносливость не выдержала».

Ди Цзя: «....»

Я никогда не был таким безмолвным.

<http://bllate.org/book/14977/1324613>